

В ЧЕМ ВИНОВАТ НИКОН, ИЛИ РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ НАРРАТИВОВ О РАСКОЛЕ В ПОДДЕРЖАНИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Наталья Сергеевна Душакова – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
dushakova@list.ru

Аннотация

На основе устных нарративов о расколе, зафиксированных среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья в 2008–2017 гг., в статье анализируются внутренние версии актуального исторического прошлого и то, каким образом они влияют на очерчивание групповых границ «изнутри» сообществ. Повествования о патриархе Никоне рассматриваются как мифологизированные исторические нарративы. Для них характерны нелинейность времени, включение значимых мотивов (искажение/предательство веры, гонения старообрядцев) и указаний на важные для самих старообрядцев этноконфессиональные признаки.

Ключевые слова

Старообрядцы, раскол, Никон, исторический нарратив, актуальное прошлое, Республика Молдова.

WHAT WAS NIKON GUILTY OF, OR THE ROLE OF MODERN NARRATIVES OF RASKOL IN THE MAINTAINING THE OLD BELIEVERS' IDENTITY

Natalia S. Dushakova – PhD, Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow.
dushakova@list.ru

Abstract

Based on oral narratives of the Raskol (schism) recorded among the Old Believers of the North-Western Black Sea Region in 2008–2017, the article analyses inner versions of the topical historical past and the way they influence the delineation of group boundaries «from within» the communities. Narratives about Patriarch Nikon are viewed as mythological historical narratives. They are characterized by the non-linearity of time, inclusion of significant motives (distortion / betrayal of faith, persecution of the Old Believers) and indications of ethno-confessional features Old Believers themselves find significant.

Keywords

Old Believers, Raskol (schism), Nikon, historical narrative, topical past, Republic of Moldova.

* Исследование выполнено из средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10091).

Мифологизированные исторические нарративы о расколе и патриархе Никоне, зафиксированные среди современных старообрядцев, представляют интерес как живые свидетельства, которые формируют различные внутренние версии собственного исторического прошлого и влияют на поддержание идентичности путем очерчивания групповых границ сообществ «изнутри».

Рассказывая о своей истории во время свободной беседы или отвечая на вопросы исследователя, старообрядцы часто упоминают патриарха Никона, вне зависимости от того, о каком историческом периоде заходит речь. В данной статье в центре исследовательского интереса находятся устные нарративы о Никоне, зафиксированные во время экспедиций 2008–2017 гг. в поселениях Республики Молдова (с. Кунича, с. Покровка, с. Старая Добруджа, г. Оргеев, г. Единцы), включая Приднестровье (г. Тирасполь, г. Бендеры). Большинство информантов — старообрядцы белокриницкого согласия, в г. Единцы — старообрядцы-беспоповцы поморского согласия. На основе устных повествований рассмотрим, что собой представляют и какую роль в настоящее время играют внутренние версии актуального прошлого, транслируемые в старообрядческих сообществах.

Исторические предания старообрядцев Придунавья, в том числе посвященные расколу, рассматривались А. А. Пригариным¹, В. А. Липинской². Устным повествованиям старообрядцев Буковины посвятила свою работу А. Анфимова³. На основе материалов из другого региона — Урало-Поволжья — Е. С. Данилко показала, что повествования о расколе тесно связываются с событиями священной истории⁴. Среди характерных черт подобных устных нарративов автор называет нарушение последовательности событий, наличие участников, живших в разное время. Например, Никон и Петр I выступают сообщниками в расколе православной церкви⁵. Наряду с материалами рукописных источников, устные нарративы о Никоне, записанные в Кировской области, проанализировала О. О. Орлова. Она пришла к обоснованному выводу о том, что, «наделив инициатора церковной реформы середины XVII в. маркирующими признаками врага — бого-

¹ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно-конфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М.: Смил; Археодоксия, 2010; Он же. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // ШАГИ. 2016. № 2 (4). С. 114–149.

² Липинская В.А. Исторические предания липован // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 43–55.

³ Анфимова А. Бывальщина: Быт и народные повествования липован Буковины. Бухарест, 2007.

⁴ Данилко Е.С. Священная история и раскол в устной традиции (перевод с книжного на народный) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 5. Одесса, 2008. С. 61–70.

⁵ Данилко Е.С. Священная история и раскол в устной традиции... С. 67.

отступника, грешника, предтечи антихриста, старообрядцы уже четвертое столетие используют образ Никона при определении своей идентичности (мы — староверы, они — никониане) и для защиты своего представления о благочестии (ведь «иные» неблагочестивы уже потому, что следуют за грешником и слугой сатаны)⁶). Тем не менее, можно предположить, что для старообрядцев фигура патриарха Никона более многогранна: она осмысливается не только в рамках «образа врага», с ней связывается начало истории старообрядчества, начало нового миропорядка. Исходя из этого, в данной статье предполагается проанализировать не столько «образ Никона», сколько внутренние версии истории, в которых Никон зачастую играет главную роль.

Перед тем, как приступить к анализу зафиксированных устных свидетельств, следует обратить внимание на ряд особенностей функционирования культурно-исторической памяти. С. Ю. Неклюдов выделил трехступенчатую градацию во временной удаленности событий, которые хранятся в памяти: 1. «События “вчерашнего дня”, подлинность которых в принципе может быть прямо засвидетельствована рассказчиком»; 2. «“Историческое” прошлое, сообщение о котором передается “непосредственно-коммуникационным” способом (примерно через пять поколений: внуку от деда, слышавшего о нем от “живого свидетеля” — своего деда)»; 3. «Собственно мифологическое (или мифологизируемое) «давно прошедшее», время рождения настоящего миропорядка, живое свидетельство о котором исключено по определению»⁷. Со вторым этапом в концепции С.Ю. Неклюдова сопоставимо функционирование постпамяти (по М. Хирш) — памяти поколения, среди которого не было очевидцев события, но воспоминания о нем передавались свидетелями настолько живо, что создается впечатление, будто о нем «помнят», хоть и только из историй, фотографий очевидцев, т.е. тех людей, среди которых они выросли⁸.

Устные нарративы о расколе и патриархе Никоне следует отнести к третьей ступени — тому историческому периоду, о котором не может быть ни живых воспоминаний, ни воспоминаний, переданных потомкам от живых свидетелей. Эти нарративы зачастую мифологизированы, исторические «факты» в них вплетаются весьма условно.

Итак, что, по мнению старообрядцев очерченного региона, было при Никоне?

⁶ Орлова О.О. «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2012. С. 230.

⁷ Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М., 2005. С. 13.

⁸ Подробнее см.: Hirsch M. The generation of postmemory // *Poetics Today* 29:1, 2008. P. 103–128.

Это же всё Никон и раскол сделал. Это всё он сделал [ЕАН, 1989 г.р., с. Кунича]⁹.

...возьмем с самого начала, возьмем Никона. Почему всё это получилось? Запад толкнул-толкнул-толкнул. Всё вроде новое, всё вроде упрощенное. А что получилось? Получилось старообрядчество [НШ, 1979 г.р., с. Кунича, зап. Соломин И. И. Фонд дневников Межкафедральной археографической лаборатории МГУ].

Было гонение на нашу веру староверческую. Наверное, наши откуда-то приехали... Вот тогда бежали от Никона, который доказывал, что никакого старообрядчества быть не может. И вот тогда-то и говорят, что люди сжигали себя, но не хотели, чтобы они были в никоианской вере [АМА, 1925 г.р., г. Тирасполь].

Про Никона? Ну, в общем. Они [родители. — Н. Д.] объясняли, что было притеснение, в вере притесняли, искажение, они не хотели признавать очень многого. Искажений, упущений [ПМФ, 1957 г.р., с. Кунича].

Ну, видите, до Никона одна была вера у России, а когда уже Никон, тогда раскололось, разделился, и которые держались крепко веры и уходили в леса в Россию, туда, в Сибирь и гнали их, и сжигали на кострах, и мучали. Было такое гонение тады [ПФИ, 1931 г.р., с. Кунича].

Приведенные здесь тексты отражают типичные представления о деятельности Никона: он осуществил раскол церкви, искажил веру, инициировал гонения / притеснения / мучения тех, «которые держались крепко веры». В беспоповской общине был также зафиксирован мотив сжигания книг:

Раньше сжигали книги очень. При Никоне очень сжигали эти старообрядческие книги, очень сжигали [ЩИИ, 1944 г.р., г. Единцы].

Нередко в устные нарративы о патриархе Никоне включается мотив насильственного обрезания бороды:

Вот этот развал в религии произошёл именно тогда. И старообрядцев страшно преследовали. Они всё время носили бороды. Он насильно обрезал эти бороды. Сколько они натерпелись, эти старообрядцы! [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

Наши — то же самое, на Руси так же бороды носили, до 17 века это было, до начала до 17 века это было, и патриарх Никон, который всё это самое. И поехали из Российской империи кто в Южную Амери-

⁹ Здесь и далее цитируются полевые материалы автора, если не указано иное. Часть полевых материалов, собранных в 2009–2016 гг., представлена в электронной базе данных по адресу: <http://eurasianphonology.info/static/groups/index.html>. По г. Тирасполь привлекались материалы из архива Центра «Сэфер», зап. Н.С. Душак-овой, Д.С. Рыговским в 2017 г.

ку, кто туда-сюда, разбросало всех кто на Кавказ там, в Прибалтику там вот, потому что гонения сильные были, вот они и становились группа такая. И жили хорошо, очень же прекрасно жили, никто никого не предавал, ничего, до сих пор они живут хорошо [ГГА, 1946 г.р., г. Оргеев, зап. В.А. Дымшиц в 2010 г.].

Поскольку целью статьи является анализ внутренних версий прошлого и их роли в поддержании групповых границ, в ней не будут сопоставляться представления старообрядцев, отраженные в устных нарративах, с официальными версиями истории. Однако в данном случае отмечу, что указ брить бороды был введен Петром I. В изучаемом регионе не во всех устных рассказах о запрете носить бороды фигурирует личность Никона, в этом контексте вспоминают и о Петре I¹⁰.

Как видно, в приведенные фрагменты повествований, наряду с историческими «фактами», вплетаются представления о значимых травматических событиях прошлого, отражаются важные для этноконфессиональной общности признаки. Создаются свои версии событий прошлого. В них фигура Никона выступает основным маркером — опорной точкой в знаниях об истории или своего рода меткой для всей системы представлений о прошлом¹¹. По словам И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «маркеры покрывают историю неравномерно, в соответствии с распределением интереса к прошлому и знаний о нем¹²». В этом контексте то, что главному действующему лицу церковного раскола приписывается и внедрение закона брить бороды, что до настоящего времени рассматривается старообрядцами как серьезное нарушение религиозных предписаний, видится весьма показательным.

В зафиксированных нарративах о Никоне и расколе мотив бегства от церковной реформы и самого патриарха выполняет важную функцию интеграции местной истории в общую историю старообрядчества:

[А как старообрядцы появились здесь, в этих краях?] Родители рассказывали, что бежали. Никоновская реформа когда была, бежали. Убегали, короче, старообрядцы от Никона и сюда в леса, здесь леса были, вот, и они леса, тем более, Днестр, перешли реку — и сюда, так родители рассказывали [ПМФ, 1957 г.р., с. Кунича].

¹⁰ Подробнее об указе Петра I и о реакции на него, а также о значении бороды с точки зрения обычного права, церковной традиции и мифологических представлений см.: Левкиевская Е.Е. «Борода предорогая...» // Родина. 1999. № 6. С. 84–87. О запрете брить бороды старообрядцам на материалах письменных источников и устных свидетельств из Северного Причерноморья см.: Пригарин О.А. Борода та її знакові функції в уявленнях старообрядців Подунав'я // Тіло в текстах культур: 36. ст./ голь. ред. Г. Скрипник; упоряд. О. Боряк, М. Маерчик. Київ, 2003. С. 63–68.

¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 164.

¹² Там же. С. 165.

[Расскажите, как появились старообрядцы в этих краях, как они тут оказались] Ну, как оказались... ну это история, так сказать, надо, это я не помню много лет, это во время, когда был Никон. Веру когда поколебал [...] Ну, когда... в то время, когда было расколово гонение в XVIII веке, вот тогда и перебрались наши предки [ПФИ, 1931 г.р., с. Кунича].

Обратим внимание на то, что подобной синхронизации местной истории с историей старообрядчества в целом не происходит в рамках нарративов, функционирующих на уровне постпамяти или «исторического прошлого» в концепции С. Ю. Неклюдова. Таковы повествования об основании одного из самых молодых старообрядческих поселений — с. Старая Добруджа на севере Республики Молдова (1920-е годы). Например:

Мы родились там, в Покровке. Потом стало тесновато там, и давай здесь — закупили землю, где наше село это. А раньше это были богатые, держали землю там все. И, значит, купили эту землю некоторые старики и начали строиться. В первую очередь, там несколько домов — два-три дома построили, потом церковь построили. А первые дома деревянные! Да, да. Они не знали этот саман, как в России строили... [СИТ., с. Старая Добруджа].

Последователей никоновских реформ старообрядцы до настоящего времени чаще всего называют «никонианами» (реже: по этнической принадлежности — русские, молдаване, румыны, хохлы, евреи и т.д.; старообрядцы; «православные, но не наши»; «простые православные»; внешние; кирилловцы). В устных повествованиях они нередко фигурируют как сторонники Никона, например: «Служители, вот, царя под влиянием никониан, вот, проводили вот такое преследование старообрядцам» [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь]. В противовес «первичной», «изначальной», «истинной» вере старообрядцев, вера никониан представляется как «искаженная», «более поздняя»:

Наши крест именно от Христа, так идет. Мы не изменяли, патриарх Никон изменил, он внес новшества. А старообрядцы как были в своей вере, так они и остались. Они ничего не меняли. И вдруг — стали их называть раскольники. Какие раскольники? Они же веру не раскололи. Они как были в своей вере, так и остались. Я так понимаю [ХТА, 1950 г.р., с. Старая Добруджа].

Просто есть вот наша вера до раскола, а есть уже нововведения там пошли, вот после никонцев. Да, это уже ново... новообрядец. И они нас называли раскольниками, но, на самом деле, они раскололи веру [АДФ, 1980 г.р., с. Покровка].

Если переходят из другой веры в старообрядчество, это очень... ну, положительно, а с нашей веры уже нельзя переходить. Потому что у

нас первая и... самая первая вера. Старообрядцы, а потом уже пошли никониане [СЕЕ, 1938 г.р., г. Тирасполь].

Знаете, это 350 лет назад получилось, когда был раскол и прочее-прочее, и реформы никоновские проводились и законы, знаете, то старообрядцы ведь были. Старообрядцы — как бы так говорят, но мы же истинноверцы, будем считать. Вот так нужно называть, а нас такое... вооон, там, особенно в России — «старообрядцы», «старое что-то такое». Нет, не старое, всё это истинное, вот самое основное — истинное — истинноверцы. А то, что кто-то... [КФИ, 1959 г.р., с. Старая Добруджа].

Мы называемся «старообрядцы», я и Артемовна — люди старой веры. Между прочим, старообрядцами были и все остальные — никонианами которых теперь называем [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

ПМФ: Вот наших родителей мы могли считать настоящими старообрядцами [...]. Во-первых, они очень крепко держали свою веру. Они даже... вот у нас тут украинцы живут на селе... МЕА: Никонианцы. ПМФ: Ну, никонианцы, украинцы, вот... хохлы называют... [Да, я слышала...]. Ну, вот, нельзя было, чтобы с одной кружки они пили воду... [С хохлами?] Да, с хохлами.

Значит, они считались поганые — хохлы, потому что они предали веру, значит, старую веру предали, они поганые [ПМФ, 1957 г.р., МЕА, 1951 г.р., с. Кунича].

Таким образом, никониане в повествованиях современных старообрядцев — это те, кто поддерживал деятельность патриарха по осуществлению церковного раскола и предал истинную веру. На этом основании проводится четкая граница: никониане считаются погаными, поэтому на взаимодействии с ними налагается целый ряд ограничений.

В зафиксированных устных нарративах о религиозном расколе середины XVII в. прослеживаются и параллели с современными событиями, в частности, с распадом СССР:

Никон — патриарх или митрополит московский он был тогда, он вроде как в нашей стране. Так вот он так же, как у нас развалили Союз в 90-м году, вот точно так же он развалил религию. Он ввёл греческую... греческие каноны. А православие осталось в мизерном количестве, они их начали преследовать. Они много, старообрядцы, перетерпели [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

Вот он второй раскол пришел — развал Союза. Это не развал Союза. Я не то, что там за коммунистов, нет. Я не политически. Разломать веру, душу разломать, братство разломать — вот где я вижу, вот, что нас разломали [НШ, 1972 г.р., с. Кунича, зап. Соломин И. И. Фонд дневников Межкафедральной археографической лаборатории МГУ].

Временная удаленность знакового события, как было показано выше, влияет на способы передачи и функционирования текстов о нем. Исходя из этого, о расколе церкви и о распаде Советского Союза «вспоминают» по-разному. Аналогии с прошлыми эпохами наряду с элементами циклической модели времени — характерные черты именно мифологизированных исторических нарративов, к которым относятся повествования о патриархе Никоне и его реформах.

Таким образом, устные рассказы современных старообрядцев о расколе и деятельности патриарха Никона — это не трансляция исторических фактов, это история на языке традиции. Для внутренних версий истории характерна нелинейность времени, включение ряда значимых мотивов (искажение/предательство веры, гонения старообрядцев) и указаний на важные для самих старообрядцев этноконфессиональные признаки (нередко эти признаки вводятся путем «искажения исторических фактов», как, например, связь Никона с запретом носить бороды). Церковный раскол осмысливается как точка отсчета старообрядческой истории, как акт творения нового миропорядка. Гармоничное прошлое — это дониконовская эпоха, за которой следует искажение основ веры. В центре этого переломного события находится историческая личность (патриарх Никон), которой приписываются многочисленные действия, закрепляющие воспоминания о религиозном расколе и, соответственно, утрате гармонического миропорядка. Актуальное прошлое, разделяемое старообрядцами региона, то есть история в том виде, в каком о ней рассказывают в настоящее время, используется для очерчивания групповых границ «изнутри». Постоянное «переписывание» воспоминаний и переосмысление знаковых событий приводят к возникновению новых версий актуального прошлого.

Литература

1. *Анфимова А.* Бывальщина: Быт и народные повествования липован Буковины. Бухарест: CRLR, 2007.
2. *Данилко Е.С.* Священная история и раскол в устной традиции (перевод с книжного на народный) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 5. Одесса: Смил, 2008. С. 61–70.
3. *Левкиевская Е.Е.* «Борода предорогая...» // Родина. 1999. № 6. С. 84–87.
4. *Липинская В.А.* Исторические предания липован // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 43–55.
5. *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005.
6. *Орлова О.О.* «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012.

7. Пригарин А.А. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // ШАГИ. 2016. №2 (4). С. 114–149.
8. Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно- конфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М.: Смил; Археодоксія, 2010.
9. Пригарин О.А. Борода та її знакові функції в уявленнях старообрядців Подунав'я // Тіло в текстах культур: Зб. ст. / голв. ред. Г. Скрипник; упоряд. О. Боряк, М. Маерчик. Київ: [ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України], 2003. С. 63–68.
10. Савельева И.М., Поletaev A.B. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
11. Hirsch M. The generation of postmemory // *Poetics Today*. 2008. 29:1. P. 103–128.

References

1. Anfimova A., 2007. *Byval'shchyna: Byt i narodnye povestovaniia lipovan Bukoviny*. Bukharest: CRLR.
2. Danilko E.S., 2008. Sviashchennaia istoriia i raskol v ustnoi traditsii (perevod s knizhnogo na narodnyi), *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh-staroobriadtsev*, вып. 5. Odessa: Smil. S. 61–70.
3. Hirsch M., 2008. The generation of postmemory, *Poetics Today*, 29 (1), p. 103–128.
4. Levkievskaia E.E., 1999. “Boroda predorogaia...”, *Rodina*, 6, s. 84–87.
5. Lipinskaia V.A., 1997. Istoricheskie predaniia lipovan, *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, s. 43–55.
6. Nekliudov S.Iu., 2005. Struktura i funktsiia mifa. In: Akhmetov M.V., ed. *Sovremennaia rossiiskaia mifologiiia*, Moscow: RGGU.
7. Orlova O.O. (2012) “Nikon vzial kliuchi ot tsarstva Khristova: i sam ne vkhodit, i liudei ne puskaet”: obraz vruga v staroobriadcheskikh rasskazakh o patriarkhe Nikone. In: Smilyanskaya, E.B., ed. *O svoei zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniiu biograficheskogo i religioznogo narrativa)*. Moscow: Indrik.
8. Prigarin A.A., 2016. “Narodnye predaniia” i “istoriografii”: уровни исторического (со)знания липован, *ShAGI*, 2 (4), s. 114–149.
9. Prigarin A.A., 2010. *Russkie staroobriadtsy na Dunae: formirovanie etno- konfessional'noi obshchnosti v kontse XVIII — pervoi polovine XIX vv.* Odessa; Izmail; Moskva: Smil; Arkheodoksiia.
10. Prigarin A.A., 2003. Boroda ta її znakovi funktsii v uiavlenniakh staroobriadtsiv Podunav'ia. In: Skrypnyk H., Boriak, O., Maierchuk, M., eds. *Tilo v tekstakh kul'tur: Zb. st.* Kyiv: [IMFE im. M. T. Ryl'skoho NAN Ukraïny]. S. 63–68.
11. Savel'eva I.M., Poletaev, A.V., 2008. *Sotsial'nye predstavleniia o proshlom, ili Znaiut li amerikantsy istoriiu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.